

Хотя мелкие воришки и крупные разбойники обычно не против поделиться добычей с коллегами, пришлым людям здесь всегда приходится туго.

Увидев это, Сяо Цянь рассмеялся:

— Брат Чжэн, не тревожься. Мы не собираемся перебивать ваш, ляодунских братьев, хлеб. Как говорится, красть — не то что грабить... — Сяо Цянь прищурился, добавив многозначительную улыбку.

Хотя говорить «красть хуже, чем грабить» прямо перед вором — это всё равно что лезть на рожон, в данный момент эти слова как нельзя кстати развеяли сомнения Чжэн Цяня.

— Это... я знаком только со своими же... — Чжэн Цянь замялся, но его глазёнки так и прилипли к кошельку, оторвать не могли.

— Нам нужно лишь немного информации, — Сяо Цянь, видя, что тот смягчился, стал нажимать сильнее, — когда ваши братья начнут действовать, мы просто поможем прикрыть хвосты. Я слышал, управа наместника охраняется строго, если начнётся переполох, будет трудно улизнуть...

Если в этот момент в дело вмешаются грабители, то воришки, проворные ребята, наверняка уже смоются. А потом, когда будут искать виноватых, никого и не сыщешь.

Смысл слов Сяо Цяня, даже будучи пьяным, Чжэн Цянь уловил безошибочно. Сотрудничество это было выгодным и безвредным, конечно, дело хорошее.

Чжэн Цянь ещё немного покривил душой, отнекиваясь, но после того, как Сяо Цянь вытащил второй кошелёк, сдался под натиском денег и благополучно стал генерала Сяо источником информации.

Сначала давление, потом мягкость, и в конце ещё и соблазн — Цзо Мэнцин уже начал понимать, насколько Сяо Цянь продувная bestия.

Проводив эту шушери, оставшиеся мужчины протрезвели и переглянулись.

Один из них, по имени Гу Янь, обратился к Сяо Цяню:

— Брат Сяо, чтобы разузнать новости, проследить за управой наместника, мы и сами можем сходить, зачем использовать этих воришек?

Другой, круглоглазый и невысокий, по имени Гао Хэн, тоже сказал:

— Воришки — самые беспринципные! Мы их отпустили, а они ещё проболтаются о нас!

Сяо Цянь бросил взгляд на Цзо Мэнцина. Взгляд этот словно говорил: «Что это такое? Качество набора в тайный отдел — вот такое?»

Цзо Мэнцин сухо кашлянул, и его почтенное лицо покраснело от смущения:

— Все новички, сопляки.

— Сунь Чанъи мне детей в няньки подкинул? — Сяо Цянь без церемоний протянул руку.

Цзо Мэнцин машинально вытащил свой кошелёк и положил ему на ладонь. Положил и замер, с

недоумением и тревогой глядя на Сяо Цяня.

Движения эти были до боли знакомы — точь-в-точь бесстыдная манера вымогать деньги у бесцеремонного Сяо-деспота. Теперь же они один в один скопировались на другом беспринципном типе, и в сердце Цзо Мэнцина зародились сомнения, а прежние подозрения и догадки развеялись на семь-восемь десятых.

— Какие ещё дети? Я с тобой разговариваю! — Гао Хэн, ещё полурребёнок, подскочил и уселся за стол.

Цзо Мэнцин ткнул его в лоб и отодвинул:

— Без почтения, марш отсюда. Если будешь бездумно болтать, больше со мной никуда не пойдёшь.

Гао Хэн, потирая лоб, съёжился и послушно уселся на место, словно перепуганный перепёлка.

Сяо Цянь, получив деньги, проявил невиданное терпение и принялся объяснять:

— Ляодун — это мир воров и разбойников. Они вездесущи, это местные змеи среди змей. Если мы не хотим, чтобы нас обнаружили какие-нибудь Чаны или Яны, без помощи этих местных змей не обойтись. Здесь они куда влиятельнее, чем любой генерал или император, перед которым все трепещут.

На лице Гу Яня мелькнуло озарение.

Знаменитый специалист по «учению о толщине и черноте» Сяо Цянь продолжил морочить головы:

— Более того, мы вышли в этот раз, а какие козни там затеваются, как и когда их воплотят — мы ничего не знаем. Не можем же мы в самом деле перехватить главную дань и угодить напрямик в чужую ловушку. Нас всего четверо, мы не можем следить за всем круглые сутки. Да и если что случится, мы не сможем вмешаться, а то раскроем свои следы и сами дадим другим козырь в руки. Если уж играть, то играть красиво. Убить чужими руками, понимаешь?

Гао Хэн выглядел так, будто на него снизошло озарение. Он хлопнул себя по лбу и с восхищением воскликнул:

— Как же бесстыдно!

Сяо Цянь вытянул длинную ногу и пнул табуретку этого несчастного ребёнка. Гао Хэн шлёпнулся на пол полной задницей, повалился на землю, обхватил ногу Гу Яня и застонал.

Гу Янь спросил:

— Раз уж брат Сяо всё уже распланировал, не скажешь, что нам делать в ближайшие дни?

— Скрывать следы, — Сяо Цянь щёлкал семечки, делая серьёзное лицо, — и покупать местные продукты.

Гу Янь: «...» Это что, новый вид шифра?

Разумеется, это был не шифр, а самая что ни на есть реальная директива. И генерал Сяо лично подавал пример, неукоснительно следуя этому распоряжению.

Днём он не выходил, а с наступлением вечера, слегка изменив внешность, закутавшись в плащ и надвинув шляпу, шатался по улицам и переулкам, обходя все заведения с едой в ляодунском городе.

Каждый раз, возвращаясь с наступлением сумерек, Цзо Мэнцин видел, как тот вваливается с кучей свёртков, и вещей у него было больше, чем у разносчика.

В общем, генералу Сяо деньги были не жалки. Как только он видел что-то новенькое, то сразу думал о своём маленьком императоре, который одиноко и жалко сидит в пустом дворце.

С одной стороны, он торопился поскорее вернуться, с другой — не жалел денег, скупая всё, что, по его мнению, могло понравиться Фан Минцзюэ: от фирменных сладостей знаменитых кондитерских, нефритовых изделий и каллиграфических свитков до фигурок из теста, деревянных погремушек и странных камешков с обочины. В конце концов, привезти жене подарок из поездки — отличное качество хорошего мужа.

И, к счастью, Сяо Цянь был достаточно умен, чтобы не выставлять своё богатство напоказ, да ещё и заручился поддержкой местных «змей», так что не подвергся нападению неразборчивых в выборе целей братьев-воров.

Из оставшихся Цзо Мэнцин, облившись, словно готовился к зимней спячке, целыми днями торчал в гостинице.

Гао Хэн, по характеру ещё ребёнок, поначалу мог просидеть в гостинице день-другой, но потом не выдерживал и таскал Гу Яня на утренние рынки, оказавшись тоже большим любителем поесть.

Гу Янь, сопровождая его два дня, с каменным лицом явился к Цзо Мэнцину с просьбой выдать жалованье за следующий месяц, иначе ему придётся на северо-западе осваивать богатые ресурсы вечной мерзлоты.

К счастью, это продолжалось недолго.

В ту же ночь в окно комнаты Сяо Цяня постучали. В проёме показалась голова Чжэн Цяня, выражавшая крайнее беспокойство.

— Брат Сяо, кто-то действует не по правилам, начал!

Тёплый, тающий аромат благовоний мягко опадал.

Со щелчком кисть упала, оставив на слоях бумаги для записей большое чёрное кляксу.

Фан Минцзюэ вздрогнул от звука и пришёл в себя. Усталость нахлынула на него, он потер переносицу и посмотрел на несколько листов, испещрённых наполовину законченными портретами. Казалось, на всех был изображён один и тот же человек. В облегающем чёрном халате, с туго затянутым поясом, подчёркивающим стройную и статную фигуру, он выглядел элегантно и благородно, словно нефритовая сосна на ветру. Но лицо оставалось пустым.

Понаблюдав за пустым местом ещё некоторое время, Фан Минцзюэ в расстройстве свернул все рисунки и сунул их в потайной отсек императорского кабинета.

Сяо Дэцзы вошёл, чтобы подать чай. Увидев, что Фан Минцзюэ неотрывно смотрит на него, его глубокий взгляд заставил евнуха вздрогнуть и покрыться холодным потом. Дрожа, он спросил:

— Ва... Ваше Величество, какие будут указания?

Фан Минцзюэ, держа в руках доклад, с видом полной серьёзности спросил:

— А где императрица?

— Императрица выехала из дворца, — Сяо Дэцзы, под жаркими лучами послеполуденного солнца, почувствовал, как у него зашевелились волосы на затылке, — ещё не вернулась.

Фан Минцзюэ рассеянно хмыкнул, на чистом листе доклада написал «женская добродетель» и поставил поверх большой крест.

Сяо Дэцзы почувствовал, как вокруг его шеи на мгновение сгустилась убийственная аура, леденящая душу. Подкашиваясь от дрожи, он добавил:

— Императрица... императрица никогда не придавала значения таким вещам... возможно... возможно, забыла, что сегодня праздник влюблённых...

Фан Минцзюэ снова бросил на Сяо Дэцзы взгляд, затем написал «женские обязанности», снова поставил крест и наконец равнодушно произнёс:

— Ступай.

Сяо Дэцзы, словно получив помилование, с дрожащим, как у мыши, сердцем поспешно ретировался, но в душе недоумевал. Императрица всегда баловала императора сверх всякой меры, как же она могла забыть такой важный день?

В императорском кабинете на чистом листе доклада наконец было написано иероглиф «Сяо», который был зачёркнут ярко-красным!

Даже евнух знал, какой сегодня день, а от Сяо Цяня ни слуху ни духу. Фан Минцзюэ, сдерживая зlobу, которая клокотала у него в груди, взял заранее приготовленную шкатулку, присел и, открыв нижний ящик шкафа, принялся изо всех сил заталкивать её внутрь.

Закончив, он поднялся. Возможно, из-за злости он вскочил слишком резко, и перед глазами у него потемнело.

Тело потеряло контроль и стало заваливаться назад. Ощущение невесомости, когда не за что ухватиться, заставило Фан Минцзюэ инстинктивно вцепиться во что-то рядом.

— Ты в порядке?

Знакомый голос, низкий, слегка хриплый, с ноткой неподдельной, словно карамельная нить, улыбки.

Фан Минцзюэ резко открыл глаза и встретился взглядом с улыбающимися глазами мужчины.

— Сяо... Сяо Ци...

Тёплая улыбка Сяо Цяня застыла. Он скользнул взглядом по руке Фан Минцзюэ, сжимавшей его руку, слегка прикоснулся к её тыльной стороне и убрал её:

— Ничего, значит, всё в порядке. При низком сахаре пей больше сладкой воды, следи за питанием и не вставай так резко.

<http://bllate.org/book/16207/1454764>